

JOLANTA JÓŹWIAK

ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ МОТИВЫ
В «КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?» БОРИСА АКУНИНА
И В ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

«Куда ж нам плыть?» – это одна из трех повестей из сборника *Планиета вода*, изданного в 2015 г., жанр которой определяется самим автором в подзаголовке как *идиотический роман (kryminal absurdalny)*. В творчестве Бориса Акунина, не только в фандоринском цикле, тема культурных контрастов является очень важной. Очередное из детективных произведений о приключениях сыщика Эраста Фандорина может оказаться особо привлекательным для польской аудитории, поскольку действие происходит на польских землях. Недалеко от города Кельце останавливают поезд из-за случившегося ограбления, а потом в Кракове случайно находившийся на месте Фандорин начинает погоню за убийцей. В связи с такой локализацией событий в тексте помещаются разного рода культурно обусловленные элементы, ассоциирующиеся с польской культурой. Имеются в виду, например, антропонимы, топонимы, формы обращения, искаженные под влиянием интерференции высказывания, комментарии и элементы другого характера, задача которых заключается в создании местного колорита и которые помогают представить историю приключений Фандорина более правдоподобной.

Д-р наук Иоланта Юзвяк, проф. в УКВ – Университет Казимира Великого в Быдгоще (УКВ), Факультет лингвистики, Кафедра переводоведения; эл. адрес: jjozwiak@poczta.onet.pl. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0884-821X>.

Dr hab. JOLANTA JÓŹWIAK, prof. UKW – Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Wydział Językoznawstwa, Katedra Przekładoznawstwa; e-mail: jjozwiak@poczta.onet.pl. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0884-821X>.

JOLANTA JÓŹWIAK, PhD, Assoc. Prof. (UKW) – Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz (UKW), Faculty of Linguistics, Department of Translation Studies; e-mail: jjozwiak@poczta.onet.pl. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0884-821X>.

Единицы текста и структурно-композиционные признаки текста, вызывающие при восприятии впечатление чужого, Роман Левицкий (Lewicki, *Obcość* 85) считает так называемыми потенциальными носителями чуждости. Из-за наличия в тексте элементов, с помощью которых Б. Акунин стремится создать местный (польский) колорит, проблема сохранения и передачи культурных ценностей приобретает особый оттенок. Поэтому в центре внимания находятся элементы, вызывающие у русскоязычных читателей ассоциации с польским культурным пространством, и результаты переводческих решений, принимаемых А. Окуневской Стронкой в процессе перевода повести именно на польский язык. Предложенная переводчицей версия перевода польских экзотирующих элементов на польский язык будет подвергаться анализу и критической оценке с перспективы возможности сохранения культурных коннотаций и функций, выполняемых рассматриваемыми единицами в художественном тексте.

В настоящей статье под термином экзотирующие элементы понимаются слова, выражения и конструкции другого характера непосредственно или опосредованным образом указывающие на предметы, явления, ситуации, ассоциирующиеся с культурой иной, чем культура оригинала. Следует отметить, что такие элементы выступают в тексте оригинала и обычно находят соответствующее отражение в тексте перевода, позволяющее реализовать заложенную автором оригинала функцию (функции). Основная цель их употребления – вызвать определенные культурные ассоциации. Однако, в литературном тексте подобные единицы могут выполнять различные функции. Например, основными функциями для названий реалий Р. Левицким называются: экзотизационная, познавательная и эмотивная функции (Lewicki, *Zagadnienia* 244-247). Кажется, что эти функции можно считать основными также по отношению к другим рассматриваемым нами элементам. Авторы художественных произведений редко пользуются экзотирующими элементами только для обозначения культурно-языковой принадлежности. Такие единицы часто реализуют в тексте характеризующую функцию (по отношению к лицам и местам), а также, например, оценочную, комическую и т.д. Следует подчеркнуть, что при передаче экзотирующих единиц переводчик всегда вынужден принять решение относительно применения экзотирующих или адаптационных переводческих техник.

В произведении Акунина фон и контекст запутаны. Действие происходит на польских землях, которые в описываемый период административно входили в состав Российской империи и находились вблизи границы с Австрией. Борис Акунин старается отразить в языке и содержании произведения сложившуюся на этой территории обстановку, используя между прочим стереотипные представления одних наций о других нациях, стереотипные выражения, отдельные слова и другие языковые средства, указывающие, например, на особую артикуляцию иностранцев. К тому же польские реалии описываются в русском тексте, а потом они воспроизводятся обратно польским переводчиком. Сталкиваются как бы две стратегии: с одной стороны, автор оригинала старается приблизить русской аудитории польское пространство, с другой – переводчик вынужден возвратиться к исходным польским единицам разного вида, учитывая, однако, не только перспективу целевой аудитории, но также позицию и способ восприятия русскоязычного повествователя, описывающего происходящие события. Только тогда возможно сохранить в какой-нибудь степени атмосферу оригинала. Посмотрим, в какой степени удалось это Александре Окуневской-Стронке, которая перевела повесть *Куда ж нам плыть?* на польский язык (*Dokąd płyniemy?*).

Разные реализации упомянутых стратегий, понимаемых как осознанно выбранные переводчиком алгоритмы возможных действий по осуществлению перевода (Alekseyeva/Алексеева 145), можно проследить на примере значащих имен, т. е. имен собственных, „которым в конкретном тексте автор придает дополнительный смысл на основе внутренней формы” (Garbovskiy/Гарбовский 470). В небольшом по объему произведении Акунина имеются две достойные внимания такого типа единицы. Первой из них является псевдоним убийцы, по национальности поляка (к сожалению, это не единственный в творчестве Акунина случай, когда поляку приписывается роль преступника). Значащее имя с совершенно неожиданной мотивацией (по отношению к „профессии” персонажа) появляется в тексте подлинника в виде фонетического соответствия с дополнительной редукцией в одном слого вместе с полным объяснением значения, а также мотивированности его внутренней формы, ср.:

В польской уголовной среде Ружевица называют...– Эраст Петрович пощелкал пальцами. – ...Какое-то смешное слово, означает «конфетка»... Цукерчек? Да, Цукерчек. Потому что маленький, сладкоречивый и обожает нарядные обертки. (Акунин 369)

W polskim świątku kryminalnym Różewicza nazywają... – Erast Pietrowicz pstryknął parę razy palcami. – ...Jakieś zabawne słowo oznaczające słodki przy-smak... Cukiereczek? Tak, Cukiereczek. Dlatego że jest mały, z ust płynie mu sama słodycz i uwielbia eleganckie opakowania. (Akunin 421)

Упомянутое прозвище в искаженном варианте, точнее говоря, в виде опирающейся на перевод основы внутренней формы названия, т. е. слова *cukier* – *сахар*, встречается в последнем разделе повести в высказывании грассирующего «Ильича», ср.

– Я, батенька, в собачьих погодах не разбигаюсь, – проворчал второй. – Мне нужна гагантия, что деньги будут, и незамедлительно. А ваш Сахагок или как там его – кгетин! (Акунин 411-412)

– Nie znam się na hasach psów, łaskawco – mruknął drugi. – Potrzebuję gwahancji, że pieniądze będą, i to niezwłocznie. A wasz Cukieheczek, czy jak mu tam, to khetyn! (Akunin 470)

К сожалению, различия во внутренней форме не удалось сохранить в переводе. По нашему мнению, модификация и замена употребленного раньше в тексте псевдонима *Цукерчек* вариантом *Сахарок* с дополнительной вставкой *или как там его* в оригинале повести служит характеристике произносящего диалогическую реплику персонажа, указывая на его пренебрежительное отношение к убийце Цукерчеку, с которым революционеры сотрудничают.

Второе, имеющееся в произведении значащее имя собственное – это фамилия *Косятко*. При оценке перевода этого имени собственного могут возникнуть большие сомнения в целесообразности совсем другого растолкования значения его внутренней формы в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала, ср.:

– Мои ребята, – кивнул поручик на коричневых. – а это Косятко.

– По-ихнему, по-польски, значит «котенок», – хмыкнул один из агентов, мордатый. – Кис-кис, Котятка. (Акунин 379)

– Moi ludzie. – Porucznik kiwnął na brązowych. – A to Kosiatko.

– Po ichniemu, po polsku, znaczy „bobas” – mruknął jeden z agentów, z nieciekawą gębą. – Kosi, kosi łapci, bobasie. (Akunin 432)

Можно сказать, что результат произведенной адаптации, применяемой для того чтобы „сохранить целостную систему смыслов исходного речевого произведения, добиться аналогичного коммуникативного

эффекта” (Garbovskiy/Гарбовский 404), не принес ожидаемого эффекта, система смыслов не сохранилась.

Можно только догадываться, чем руководствовался переводчик, принимая решение, приводящее к представленному результату. Правда, фамилия, а может быть, псевдоним, и ее внутренняя форма не обыгрываются в дальнейшей части текста. Однако создается впечатление, что толкование значения слова скорее вызывает у читателей недоразумение, чем вписывается в содержание текста. В результате элемент слишком привлекает внимание получателя, и он напрасно сосредоточивается на нем.

В русском тексте расшифровка персоналии опирается на звуковое и семантическое сходство основ слов *Косятко* и *котятка*, а также формулы, с помощью которой подзывают кошек *кис-кис*. Поскольку ономастопеи, хотя и опирающиеся на натуральные звуки, подлежат влиянию культурных фильтров, вследствие чего в разных языках их языковое отражение отличается друг от друга, переводчица признала недостаточным сходство ономастопеи *kici kici* с корнем слова *Kosiatko*. Она решила отнестись к более прямому сходству, т. е. *kosi kosi ...* – началу стишка для детей. В результате невозможно было удержать фонологическое сходство подобно русскому *Косятко – Котятка*, и появилось слово *bobas* (‘грудной ребенок, младенец’) из-за намеренных ассоциаций с детской сферой, но никаким образом не обеспечивающее звуковую стилизацию, и вдобавок еще вводящее непонятную мотивировку по отношению к профессии персонажа. По перечисленным выше причинам трудно признать польское соответствие фрагмента самым удачным.

Созданию местного колорита в «Куда ж нам плыть?» служат также польские оригинальные вкрапления, даже в виде целых высказываний, ср.:

- ...Tak, proszę pani, to jest restauracja, której poszukuję, dziękuję [...]
- ...Drogi panie, czy byłby pan tak uprzejmy i poprosił do telefonu dzentelmena, który siedzi przy stole pod palmą? Nazywa się Kobaczewski... Bardzo panu dziękuję. (Акунин 394)

Такого рода вкрапления Ольгерд Войтасевич причисляет к языковым аллюзиям. Самая сложная ситуация возникает тогда, когда в оригинале находится аллюзия на языке, который является языком перевода. Исчезают различия между основным языком текста (языком оригинала) и языком аллюзии и весь текст перевода сводится только к одному языку (72). Стоит обратить внимание на то, что в оригинале, по реше-

нию автора произведения, вкрапления не обеспечены сноской. В переводе реплики приводятся в идентичной форме, т. е. на польском языке. Разница в том, что русскоязычные получатели не понимают смысла высказываний, а польские – вполне. Кроме того, русскоязычные не могут узнать фамилии поручителя из-за алфавитных различий, а также почувствовать стилистической окраски, служащей языковому портрету преступника. Хотя это и соответствует авторским намерениям, различия в восприятии надо оценить как довольно существенные, однако неизбежные.

Единичные польские вкрапления встречаются в речи персонажей в ситуации эмоционального напряжения. Тогда они сопровождаются сноской, которую нет смысла сохранять в переводе, хотя, конечно, это изменяет восприятие фрагмента, ср. „– Judasz*! – крикнул убийца тонким голосом вслед маклеру” + * Иуда! (польск.) (Акунин 381).

К польским культурным мотивам относятся также вкрапления в транскрибированном виде без объясняющей значении сноски. Согласно классификации Юлии Тимофеевны Листровой-Правды, они принадлежат к частичным вкраплениям, в той или иной мере ассимилированным фонетически, графически, морфологически или включенным в синтаксические отношения в составе русского предложения (120). Используя в тексте такой вид вкраплений, Акунин рассчитывает на личное знание семантики некоторых польских слов каждого отдельного читателя. Можно предположить, что считает элементы не совсем важными с точки зрения происходящего и может быть возможными для воспроизведения по семантике из контекста, ср.:

- Д-далеко?
- Не бардзо близко, – был уклончивый ответ. (Акунин 392)
- D-daleko?
- Nie bardzo blisko, – padła wymijająca odpowiedź. (Akunin 445)

В некоторых вопросительных репликах автор применяет транскрибированный вариант характерного с точки зрения русского читателя польского местоимения *co*, ср.: „– Цо мне делать, пан начальник? – спросил маклер, мешая русские и польские слова” (Акунин 379).

В польском варианте стилизация в некоторой степени сохраняется путем грамматических (вместо лексических) модификаций, ср.: „– Co mnie robić, pan naczelnik? – zapytał makler, mieszając rosyjskie i polskie słowa” (Akunin 432).

В реплике употреблено типичное в польском культурном пространстве вежливое обращение к мужчине. Слово *пан* помогает указать на культурную идентичность персонажей и в других фрагментах, например:

Мешая немецкие, польские и русские слова, извозчик сказал, что пану, конечно, нужно в «Хотел Французски», недавно открытый и оснащенный по последнему слову техники. (Акунин 389-390)

Używając mieszaniny słów niemieckich, polskich i rosyjskich, woźnica powiedział, że pan musi oczywiście jechać do Hotelu Francuskiego, niedawno otwartego i zaopatrzonego we wszystkie udogodnienia techniki. (Акунин 443)

Путем введения польских и немецкого вкраплений в транскрибированном виде в следующей диалогической реплике автор в очень сжатой форме отражает в языковом материале сложность ситуации и присутствие представителей разных культурных пространств на территории, являющейся местом действия повести, ср. „– Цо, нету вольни циммер? – крикнул он (извозчик)” (Акунин 391).

В переводе отсутствует стилизация на польский язык, остается только немецкое вкрапление, написанное со строчной буквы: „– Со, nie ma wolnych zimmer? – krzyknął” (Акунин 444).

Последняя приведенная пара реплик не является единственным примером смешивания лексических элементов из разных языков. Тенденция проявляется в названиях улиц: *Подзамче-штрассе*, *Повисле штрассе*, что и сохраняется переводчиком: *Podzamcze Strasse* и *Powisłe Strasse*. Как следует из примеров, способов указания на культурную принадлежность – много, причем переводчик всегда должен помнить, что „[в] каждом языке существуют определенные традиции в передаче иностранного акцента в речи персонажей художественных произведений” (Vinogradov/Виноградов 168).

В краткой повести несколько раз не только для поддержания местного колорита, но также с юмористической целью Акунин воспользовался польской реалией *фляки*. Слово является названием супа, а это блюдо не всегда воспринимается позитивно представителями других наций, так как иностранцев, как правило, отталкивают ингредиенты, ср.:

- Поужинаю, пожалуй. Целый день ничего не ел. Что порекомендуете?
- Сегодня отменные фляки по-польски.
- Нет, передернулся Эраст Петрович. – Только не фляки. (Акунин 405)

- Chyba zjem kolację. Przez cały dzień nie miałem nic w ustach. Co pan poleca?
- Dzisiaj serwujemy znakomite flaki po polsku.
- Nie. – Erast Pietrowicz się wzdrygnął. – Tylko nie flaki. (Akunin 462)

Приведенное название супа причисляется к т. н. безэквивалентной лексике (Barkhudarov/Бархударов 94) и в русский исходный текст было введено с помощью транскрипции согласно современной тенденции сохранения экзотирующего характера подобного рода единиц. Конечно, когнитивная информация о составе блюда не появляется в эксплицитной форме, и если читатель оригинала его не знает, у него останется только представление о том, что речь идет о невкусном блюде. Однако культурная чуждость возникает только у читателей оригинала, при восприятии единицы представителями исходной культуры (читателями перевода) не имеется, т. е. имеет односторонний характер (ср. Urbanek 43). Польскими читателями реалия воспринимается без подобного рода оттенков, зато юмористический эффект усиливается.

Как следует из приведенных примеров, в «Куда ж нам плыть?» польский переводчик сталкивается прежде всего с проблемой передачи, точнее говоря, воспроизведения польских мотивов в польском переводе. Однако один раз он вынужден справиться с противоположной проблемой, т. е. передать восприятие русскоязычными получателями оригинала не вполне правильного произношения поляком русского л, ср.:

– Я здесь. Телефоную ровно в повоине шестого, как д-договаривались... Как, в Кракове еще ничего не известно? – В голосе прозвучала обиженная нотка. – Всё в вучшем виде. Сначала быво скучновато, но под конец интересно. Мне понравивось... Да, всё со мной... Конечно – за вычетом наковадных расходов. Вы же знаете, я хоть и материалист, но и материальным интересуюсь маво. (Акунин 394)

– Jestem na miejscu. T-telefonuję równo o wpów do szóstej, tak jak się umawialiśmy... Jak to, w Krakowie nikt jeszcze nie wie? – W głosie zabrzmiała nutka urazy. – Wszystko wypadwo znakomicie. Najpierw bywo raczej nudno, ale pod koniec ciekawie. Spodobawo mi się... Tak, mam wszystko ze sobą... Oczywiście z potrąceniem poniesionych wydatków. Przecież pan wie, że chociaż jestem materialistą, sprawy materialne mawo mnie obchodzą. (Akunin 449)

Задача была решена путем графической замены ł → w, отражающей типичные у поляков трудности с произнесением звука /л/. Однако в письменной форме эта особенность речи более точно передается путем замены ł → l. В оригинале имеется графическая замена л → w, в которой обнаруживается

введение латинской буквы в русский текст. Произношение английской буквы *w* имитирует восприятие русскими произношения польского *ł*.

Реплике предшествует объяснение повествователя: „Потом Цукерчек вдруг заговорил по-русски – с приятным, едва уловимым акцентом и небольшим заиканием” (Акунин 394), переведенное следующим образом: „Później Cukierczek nagle odezwał się po rosyjsku – z przyjemnym, ledwie wyczuwalnym akcentem, lekko się zacinając” (Akunin 449).

Кажется, что в рассматриваемом контексте приемлемым и вызывающим ассоциации в намеренном направлении могло бы оказаться введение в текст более распространенного объяснения, например: [...] *z przyjemnym, ledwie wyczuwalnym akcentem, nie zawsze zupełnie prawidłowo wymawiając trudne dla Polaka rosyjskie ł, i lekko się zacinając*. В подобных случаях оценка ситуации и решение о выборе переводческой техники принадлежат переводчику.

Следует подчеркнуть, что *Куда ж нам плыть?* – это особое произведение с точки зрения присутствия в нем приема языковой стилизации, относящегося не только к польскому языку. Языковой портрет можно считать одним из главных композиционных приемов. Стилизация касается возникших по разным причинам искажений в произношении или стиля речи.

В начале повести допрашиваемый почтовый служащий Коркин цитирует слова убийцы, однозначно указывающие на особую манеру речи – высокий официальный стиль, на основании чего служащий подумал, что это не были обычные бандиты, а революционеры, ср.: „Уважаемые господа жандармы, говорит, – убедительно прошу не кидаться за карабинами. Иначе будете застрелены на месте. Извольте лечь на пол, если вас не затруднит” (Акунин 362).

Особенность стиля обеспечена и в переводе: „Szanowni panowie żandarmi – mówi – usilnie proszę nie sięgać po karabiny. W przeciwnym razie zostaniecie zastrzeleni na miejscu. Raczcie się położyć na podłodze, jeśli to wam nie sprawi fatygi” (Akunin 412).

В описании событий появляются одновременно польский и кавказский мотивы посредством отражения в тексте (и в рассказе Коркина) особенностей произношения двоих бандитов. На самом деле преступник был только один. Подражание оказалось многонаправленной игрой Акунина, известного стилиста, ср.:

– По-русски говорили? Без акцента?

– Да. То есть нет... – Коркин поправился. – По-русски, но с акцентом. Вежливый, наверно поляк. Твердое «л» проглатывал. А второй кавказец.

Басистый. Но этот мало говорил. Только «Нэт», «Сдэлаю» и «Хорошо». Поляк главный был. Ах да. Еще он много заикался. Как вы. (Акунин 363)

– Rozmawiali po rosyjsku? Bez akcentu?

– Tak. To znaczy nie... Korkin się poprawił. – Po rosyjsku, ale z akcentem. Ten uprzejmy to chyba Polak. Połykał twarde „f”. A drugi pochodził z Kaukazu. Mówił basem. Ale niewiele. Tylko „Ne”, „Zrobe” i „Dobrze”. Dowodził Polak. Trochę się też zacinał. Jak pan. (Akunin 412)

Замечания относительно произношения даются также по отношению к представителю российской администрации поручику Зуеву, ср:

Зуев встал свободнее, заговорил без официальности, и в речи сразу проступил севернорусский говор, пожалуй, онежский. (Акунин 376)

Zujew się rozluźnił, porzucił oficjalny ton, a w jego wypowiedzi dał się słyszeć północnorosyjski akcent – chyba oneski. (Akunin 428)

Как следует из приведенного ниже материала подражание севернорусскому говору оказалось тяжелой задачей. Стилизация в переводе, служащая характеристике идиолекта персонажа, была осуществлена в других местах текста. ср.:

– Так серьезный господин. Я всегда за руками [у поручика получилось «за руками»] слежу, привычка. Этот левую из кармана не вынимал. Известно – левша ... С собой культурный, интеллигентный. Одет с иголки. Бороденка волосок к волоску, еще и маслом смазана. Голос мягкий, тихий. (Акунин 376)

– Dobrze. Zawsze obserwuję ręce, taki nawyk. Ten zaś nie wyjmował lewej z kieszeni. Wiadomo, mańkut ... Raczej kulturalny, inteligentny. Wyglądał jak spod igły. Bródka równiutko uczesana, w dodatku nasmarowana balsamem, lśni. – Porucznikowi wyszło „lśni”. Głos łagodny, cichy. (Akunin 428)

В польском варианте трудно говорить о подражании онежскому говору, а вернее всего, об обращении внимания на ненормативность речи путем заменяющей стилизации (Kubaszczuk 42) с опорой на фонетическую деформацию отдельного слова и отражение этого факта в тексте в комментарии в форме вставной конструкции. Согласно переводческим правилам перестановка конструкции вполне возможна, тем более что признак второстепенного героя не является ключевым. С перспективы польских реципиентов это только намек на особенность речи персонажа. Идентификация онежского говора или ассоциации более общего характера с севернорусским говором невозможны.

Как замечают Т.А. Снигирева и А.В. Снигирев, мир Бориса Акунина „никогда не бывает мононационален” (77). Автор „ставит в своих романах нации перед лицом друг друга, выявляя их самобытность или штампы и стереотипы этой самобытности” (75). Акунин „любит разыгрывать «национальную карту» буквально на всех уровнях текста” (77). Как признанный стилист вводит в свои тексты, в том числе и в нами анализируемый, культурно обусловленные элементы экзотирующего характера и пользуется приемом стилизации, между прочим с помощью языковых вкраплений.

В процессе перевода такого языкового материала, в особенности в ситуации, когда стилизация касается языка, на который делают перевод, все переводческие решения должны быть особо и сознательно продуманы. Такой подход – это единственный способ, чтобы сохранить как можно больше культурных ассоциаций и нюансов культурного восприятия иноязычных элементов речи представителями другого культурного пространства. Обычно такой вывод можно было бы отнести к передаче культурно обусловленных единиц языка оригинала. В анализируемом случае речь идет о взаимозависимости. Решения автора оригинала обусловлены системой языка перевода, а переводчик, как правило ограниченный рамками языка оригинала, в этом отдельном случае не смотрит на восприятие перевода только через призму языка перевода, но и учитывает восприятие представителей оригинала, стараясь передать и их перспективу. Как следует из приведенных примеров, принимая конкретные решения, переводчик в каждом отдельном случае старается передать не только культурную коннотацию, но и (в некоторых случаях прежде всего) найти соответствие, позволяющее сохранить функцию, выполняемую переводческой единицей в тексте оригинала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акунин, Борис. «Куда ж нам плыть?». Борис Акунин. *Планета вода*. Захаров, 2016, сс. 351-412 [Akunin, Boris. «Kuda zh nam plyt'». Boris Akunin. *Planeta voda*. Zakharov, 2016, ss. 351-412].
- Akunin, Borys. «Dokąd płyniemy?». Borys Akunin. *Planeta woda*. Tł. Aleksandra Okuniewska-Stronka, Świat Książki, 2016, ss. 399-477.
- Alekseyeva, Irina Sergeyevna. *Tekst i perevod. Voprosy teorii*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2008 [Алексеева, Ирина Сергеевна. *Текст и перевод. Вопросы теории*. Международные отношения, 2008.

- Barkhudarov, Leonid Stepanovich. *Yazyki perevod. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 1975 [Бархударов, Леонид Степанович. *Язык и перевод. Международные отношения*, 1975].
- Garbovskiy, Nikolay Konstantinovich. *Teoriya perevoda. Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta*, 2007 [Гарбовский, Николай Константинович. *Теория перевода. Москва: Издательство Московского университета*, 2007].
- Kubaszczyk, Joanna. *Faktura oryginału i przekładu. O przekładzie tekstów literackich*. Wydawnictwo Naukowe PWN, 2016.
- Lewicki, Roman. *Obcość w odbiorze przekładu*. Wydawnictwo UMCS, 2000.
- Lewicki, Roman. *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Wydawnictwo UMCS, 2017.
- Listrova-Pravda, Yuliya Timofeyevna. *Inoyazychnyye vkrapleniya-bibleizmy v russkoy literaturnoy rechi XIX-X vv. Vestnik VGU. Seriya 1, Gumanitarnyye nauki, № 1, 2001* [Листрова-Правда, Юлия Тимофеевна. *Иноязычные вкрапления-библеизмы в русской литературной речи XIX-XX вв. Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки, № 1, 2001*].
- Snigireva, Tat'yana Aleksandrovna, & Aleksey Vasil'yevich Snigirev. «Dokazatel'stvo 'otprotivnogo': Rossiya, russkiy yazyk i kharakter v romanakh B. Akunina», *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*, vol 127, № 2, 2014, ss. 75-83 [Снигирева, Татьяна Александровна, & Алексей Васильевич Снигирев. «Доказательство 'от противного': Россия, русский язык и характер в романах Б. Акунина». *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, том 127, № 2, 2014, сс. 75-83.].
- Urbanek, Dorota. „Od rosyjskiej Biezduchownosci do polskiej Pustki duchowej. Kilka uwag o przekładzie tekstów kulturoznawczych”. *Między oryginałem a przekładem*, t. XV, red. Jerzy Brzozowski & Maria Filipowicz-Rudek. Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2009, ss. 41-51.
- Vinogradov, Venedikt Stepanovich. *Vvedeniye v perevodovedeniye. Izdatel'stvo Instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO*, 2001 [Виноградов, Венедикт Степанович. *Введение в переводоведение. Издательство института общего среднего образования РАО*, 2001].

ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ МОТИВЫ
В «КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?» БОРИСА АКУНИНА
И В ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Резюме

Цель статьи – представить результаты индивидуального выбора переводчика в процессе передачи культурно обусловленных языковых элементов с русского языка на польский язык. Материал был почерпнут из рассказа Бориса Акунина «Куда ж нам плыть?» и перевода текста на польский язык «Dokąd płyniemy?». В процессе анализа был использован сопоставительно-описательный метод. В статье рассматриваются различные способы передачи единиц в ситуации, когда стилизация касается языка, на который делают перевод, особенно в такой специфической ситуации как «двойная» стилизация. В результате проведенного анализа можно оценить, в какой степени решения переводчика позволили передать культурные коннотации и сохранить в тексте перевода функции, выполняемые рассматриваемыми переводческими единицами в тексте оригинала.

Ключевые слова: перевод; Борис Акунин; польские культурные элементы; культурная коннотация; стилизация.

POLSKIE MOTYWY KULTUROWE
W „DOKĄD PŁYNIEMY?” BORYSA AKUNINA
I W PRZEKŁADZIE OPOWIADANIA NA JĘZYK POLSKI

Streszczenie

Celem artykułu jest zaprezentowanie rezultatów indywidualnych wyborów tłumacza w procesie przekazu uwarunkowanych kulturowo elementów językowych z języka rosyjskiego do tekstu w języku polskim. Materiał ilustracyjny został zaczerpnięty z opowiadania Borysa Akunina „Куда ж нам плыть?” oraz tłumaczenia tekstu na język polski „Dokąd płyniemy?”. W procesie analizy została zastosowana metoda porównawczo-opisowa. W artykule zostały omówione różne sposoby przekazu jednostek w tak specyficznej sytuacji, jaką jest „podwójna” stylizacja. W rezultacie przeprowadzonej analizy można ocenić, w jakim stopniu decyzje tłumacza pozwoliły przekazać konotację kulturową i zachować w tekście przekładu funkcje pełnione przez analizowane jednostki przekładowe w tekście oryginału.

Słowa kluczowe: Borys Akunin; polskie elementy kulturowe; konotacja kulturowa; stylizacja.

POLISH CULTURAL MOTIFS
IN “WHERE SHALL WE GO?” BY BORIS AKUNIN
AND IN THE POLISH TRANSLATION OF THE NOVEL

Summary

The aim of this paper is to present the results of translators' individual choices in the process of transmitting Polish culture-specific elements from a Russian text to Polish culture. The source material was taken from the novel “Where shall we go?” by Boris Akunin and its translation into Polish. During the analysis, a comparative-descriptive method was used. The different ways of transferring units in a situation when stylisation concerns the language into which the translation is made, especially in such a specific situation as “double” stylisation are discussed. As a result of the analysis, it is possible to assess the extent to which the translator's decisions made it possible to convey cultural connotations and preserve in the translation text the functions performed by the considered translation units in the original text.

Key words: translation; Boris Akunin; Polish cultural elements; cultural connotation; stylisation.